

© 2014 г.

Е.П. КУДРЯВЦЕВА

ВЕНСКАЯ СИСТЕМА МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ И ЕЕ КРУШЕНИЕ (1815–1854 годы)

В сентябре 1814 г. в Вене начал работу международный конгресс, призванный урегулировать отношения держав после 25-летнего периода непрерывных европейских войн. Заключительные документы конгресса легли в основу международных отношений, сложившихся после завершения наполеоновских войн и определивших внешнюю политику держав на последующие десятилетия. В нынешнем году исполняется 200 лет со времени начала работы конгресса – самого представительного собрания глав великих и малых государств Европы своей эпохи.

Венская система международных европейских отношений просуществовала дольше, чем любая другая – около 40 лет – и завершилась с началом Крымской войны 1854–1856 гг. В научной литературе встречается мнение, что Венская система не пала в результате решений Парижского мира, завершившего военное столкновение бывших союзников, а продлила свою жизнь вплоть до Версальского мирного договора 1918 г.¹ При этом Венская система подразделяется на “собственно Венскую” до 1830 г. и “Венский порядок” в более поздние годы; при этом до середины XIX в. наблюдается “эволюция”, а затем – затяжной “кризис”. Однако традиционно считается, что Венская система просуществовала с 1815 по 1856 г. Годы Крымской войны все же вряд ли можно причислить к периоду функционирования системы, которая перестала выполнять свое основное предназначение по обеспечению европейского мира. Таким образом, концом существования самой системы можно считать дату начала военных действий, а решения Парижского мирного договора зафиксировали не слом старой, а возведение новой Крымской системы, сложившейся в результате послевоенного расклада международных сил в Европе.

Каковы же отличительные черты, задачи и особенности сложившейся в результате решений, принятых на “танцующем” конгрессе музыкальной Вены системы?

На Венском конгрессе, созванном по завершении наполеоновских войн, было создано новое политическое устройство Европы. Прежде всего решения конгресса перекроили территориальную карту Европы. Россия получила герцогство Варшавское, за исключением Торна и Познани, отошедших к Пруссии, Кракова, обращенного в республику, и Восточной Галиции, переданной Австрии. Саксонское королевство сохранило свое существование, но значительная его часть была присоединена к Пруссии, которой были возвращены все ее владения по состоянию на 1806 г. Восстановилось и приобрело статус королевства Ганноверское курфюршество. Нидерланды прирастили свои земли в районе нижнего Мааса и Рейна. Сардинский король вернул все владения, кроме Савойи, и приобрел Геную. К Австрии перешли Рагуза, Венеция и Ломбардия². 8 июня 1815 г.

Кудрявцева Елена Петровна – доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник центра “Россия в международных отношениях” Института российской истории РАН.

¹ См., например: Медяков А.С. История международных отношений Нового времени. М., 2007, с. 164.

² Дебидур А. Дипломатическая история Европы, т. 1–2. Ростов-на-Дону, 1995, т. 1, с. 71–73.

была подписана федеральная конституция Германии и провозглашено создание Германского союза, в состав которого вошли Австрия, Пруссия, Дания, Нидерланды, Бавария, Вюртенберг и Саксония³. Великобритания расширила свои колониальные владения, за ней были закреплены Капская область на юге Африки, острова Мальта, Цейлон. Границы Франции определялись в соответствии с Парижским договором 1814 г. Европейские державы гарантировали независимость и “вечный нейтралитет” Швейцарии.

Все эти решения были изложены в Заключительном акте конгресса, принятом 9 июня 1815 г. Документ подписали представители Австрии, Великобритании, России, Франции, Пруссии, Швеции, Италии и Португалии. В дальнейшем к нему присоединились еще 33 государства⁴.

Основным итогом заключенных соглашений стало создание новой системы отношений в результате перегруппировки международных сил на европейской арене, главные роли теперь принадлежали странам-победительницам – России и Англии. Послевоенная стабилизация международных отношений привела к созданию новой политической реальности, в основе которой лежали принципы легитимизма, консерватизма, “баланса сил” и политического “равновесия”. Они были призваны поддерживать европейский мир и стабильность внутривнутриполитической жизни европейских государств. Принцип “равновесия”, подразумевавший невозможность какой-либо одной державе значительно укрепить свое политическое влияние в Европе за счет соседей, на многие годы вперед стал основой международных отношений. Сам термин “справедливое равновесие между державами” появился уже в тексте Шомонского договора от 17 февраля (1 марта) 1814 г., заключенного по итогам завершившихся войн. В статье 16 говорилось о том, что данный трактат “имеет целью сохранение равновесия в Европе, обеспечение спокойствия и независимости держав и предупреждение нападений”⁵. А само “спокойствие” должно было стать результатом “восстановления справедливого равновесия”, подразумевавшего соблюдение взаимных интересов на основе международных договоренностей.

Решениями Венского конгресса было закреплено новое соотношение сил в Европе, выдвинувшее на первые роли Россию и Великобританию. Консервативный, охранительный характер новой системы вполне отвечал интересам этих держав. Именно на этой основе был заключен четырехсторонний альянс, куда вошли Англия, Австрия, Россия и Пруссия; уже в 1818 г. к ним присоединилась Франция. Победители пришли к решению, что общеполитическая ситуация в Европе будет безопаснее, если не исключать Францию из “концерта” держав и не побуждать ее реваншистских настроений. Еще во время проведения конгресса умелые выступления главы французской делегации Ш. Талейрана способствовали тому, что Франция стала рассматриваться в качестве полноценного участника европейских договоренностей⁶. В дальнейшем, на заседаниях Аахенского конгресса, Францию вернули в европейскую монархическую семью “вследствие восстановления королевской законной и конституционной власти”. 3(15) ноября 1818 г. министрами Австрии, Франции, Великобритании, Пруссии и России был подписан протокол “для определения отношений... между Францией и державами”, встраивающий ее “в систему европейской политики”⁷. Таким образом, европейские дела стали вершить “концерт” держав, или пентархия, чьи конгрессы в начале 1820-х годов поистине превратились “в почти что правительство Европы”⁸.

Отличительной чертой Венского конгресса был масштаб и значение принятых им решений. Как справедливо отмечает А.С. Медяков, особенностью конгресса явилось

³ История внешней политики России. Первая половина XIX века. М., 1995, с. 132.

⁴ Зак Л.А. Монархи против народов. М., 1966, с. 301.

⁵ Международная политика новейшего времени в договорах, нотах и декларациях, ч. 1. М., 1925, с. 105.

⁶ Талейран Ш. Мемуары. М., 2011, с. 297.

⁷ Международная политика новейшего времени..., ч. 1, с. 126.

⁸ Киссинджер Г. Дипломатия. М., 1997, с. 70.

провозглашение нового европейского порядка. Незамедлительному решению всех проблем способствовал высокий уровень представительства европейских держав, а взвешенность решений конгресса обеспечила существование нового порядка вплоть до крымского противостояния, которое по масштабу вовлеченности заинтересованных держав явилось, по некоторым оценкам, Первой мировой войной XIX столетия.

Принципиально новым в международной жизни стало создание Священного союза, который должен был привнести моральный аспект в отношения великих держав. В основе идеи императора Александра I лежало стремление подвести под политические решения некую идеологическую основу. Император призывал европейских монархов взять на себя моральную ответственность за урегулирование проблем международно-политической жизни Европы. Союзные державы, по условиям Акта Священного союза, должны были в своих действиях “руководствоваться... заповедями святой веры... любви, правды и мира”.

Религиозно-мистический аспект союза ставил в тупик будущих его участников, но они мирились с необычной формой объединения, принимая во внимание реальность провозглашенных им целей – единство держав перед угрозой внутривосточной дестабилизации в любой из союзных стран. 14 сентября 1815 г. Священный союз был заключен между Пруссией, Австрией и Россией; позже к нему присоединились все европейские державы, кроме Англии, Османской империи и папского королевства. Британское правительство не сочло возможным публично поддержать провозглашенную державами обязанность вмешательства во внутренние дела других государств; министр иностранных дел Великобритании лорд Р. Каслри даже назвал его “образцом утонченного мистицизма и бессмыслицы”⁹, продемонстрировав в очередной раз приверженность Англии политике “особого взгляда”. Однако в бессмысленности данный договор упрекнуть нельзя. Если отбросить мистико-религиозную форму, то становится очевидна его направленность на отпор революционному движению, являвшемуся реальной угрозой европейским монархиям. Статья первая акта гласила, что “три договаривающихся монарха пребудут соединены узами действительного и неразрывного братства и, почитая себя как бы единосемцами, они во всяком случае и во всяком месте станут подавать друг другу пособие, подкрепление и помощь”¹⁰.

На некоторое время Священный союз стал формой международного сотрудничества европейских держав; под его руководством были созваны три европейских конгресса – в Аахене (1818 г.), Троппау-Лайбахе (1820 г.) и Вероне (1822 г.). На всех конгрессах обсуждались нарастание революционного движения в Европе и меры противостояния ему держав – участниц Священного союза. В 1820 г. в результате революции в Испании был отрешен от власти король и провозглашена конституция. Вслед за тем начались народные движения в Португалии, Неаполе, Пьемонте и Греции. Восставшие требовали провозглашения конституции и национальной независимости. На конгрессах принимались решения о вооруженной интервенции в страны, охваченные революционным по жаром.

В Секретном протоколе, принятом державами в Аахене 3(15) ноября 1818 г., говорилось об обязательствах союзных держав по “предупреждению губительных последствий нового революционного потрясения”¹¹. Позже, в Лайбахе, была принята особая конвенция о законности права вмешательства союзных держав во внутренние дела других стран, в которых происходили революции. Насколько антиреволюционные идеи занимали умы европейских политиков свидетельствует тот факт, что они стали доминантой совещания уполномоченных государств Германского союза. В 1819 г. собравшиеся в Карлсбаде представители немецких земель приняли решение о праве вмешательства в дела государств Германского союза со стороны Австрии и Пруссии. Для этого было

⁹ Там же, с. 71.

¹⁰ Международная политика новейшего времени..., ч. 1, с. 118–119.

¹¹ Собрание трактатов и конвенций, заключенных Россией с иностранными державами, т. VII. СПб., 1885, с. 314–318.

достаточно представления германского сейма, который бы счел положение в каком-либо из государств союза угрожающим для его соседей¹². Идеи, положенные в основу создания Священного союза, буквально “витали в воздухе” посленаполеоновской Европы.

В исторической литературе Венская система международных отношений зачастую отождествляется с “системой Священного союза”, поскольку основными принципами их деятельности были легитимизм и право вмешательства во внутренние дела других государств¹³. Задуманный Александром I, Священный союз сыграл свою негативную роль в истории России, сдерживая ее внешнеполитические акции, направленные на решение прежде всего геополитических задач, стоявших перед государством. Другими словами, союз трех монархов стал “инструментом для борьбы с амбициями царя”¹⁴, чего российский император не мог предугадать, выступая с инициативой его создания. Несмотря на преобладающую негативную оценку роли Венской системы и Священного союза в поступательном развитии Европы, господствовавшую длительное время в отечественной исторической литературе, следует отметить имеющуюся в историографии тенденцию к признанию в новом европейском порядке некоторой стабилизирующей роли, позволившей сохранить 40-летний мир – самый продолжительный мирный период в истории Старого света. В современной западной историографии царствование Александра I оценивается весьма положительно именно потому, что он “настойчиво проводил пацифистскую политику в Европе”¹⁵. По мнению французской исследовательницы М.-П. Рей, российский монарх вынашивал идею новой европейской системы задолго до принятия венских решений и заключения Священного союза. “Тайные указания”, которые имел при себе “молодой друг” Александра I при поездке в Лондон, представляли собой, по мнению автора, уже в начале XIX в. “проект создания европейской федерации”¹⁶.

За время существования Священного союза бывали периоды, когда европейские монархи совершенно “забывали” о подписанном ими документе, вспоминая о его прерогативах лишь в период обострения революционной угрозы. О “возрождении” союза можно говорить применительно к началу 1830-х годов – времени европейских революций – и к 1848 г., когда новая революционная волна, прокатившаяся по Европе, вынудила Россию вспомнить свою инициативную роль в создании европейского объединения монархов и выступить в защиту австрийского союзника. Религиозная терминология достаточно быстро выветрилась из последующих международных актов, сохранив “в сухом остатке” лишь прагматические задачи поддержания устойчивости консервативного порядка на континенте. Эти же цели преследовали и венские соглашения – Венская система международных отношений и Священный союз совместно выполняли единые поставленные перед созданными объединениями задачи.

Время существования Венской системы по праву носит название “эпохи Меттерниха” – по имени знаменитого австрийского канцлера, приложившего немало усилий для поддержания самой системы и извлечения максимальных выгод для Австрии из решений, принимаемых в ее рамках. К. Меттерних – мастер тонкой интриги, умелый дипломат и государственный деятель, служил эталоном политика для российского руководителя внешнеполитического ведомства К.В. Нессельроде. Австрийский канцлер сделал все возможное для того, чтобы в Европе утвердилась система “концерта” европейских держав, связанных между собой узами взаимного контроля. Именно Меттерних выступал за превентивные меры по отношению к возможным революционным вспышкам в европейских государствах, и с этого времени право на интервенцию начинает активно

¹² Орлик О.В. Взгляды декабристов на Священный союз и венскую систему международных отношений. – Исторические записки, № 104. М., 1979, с. 182.

¹³ См. об этом: Додолев М.А. Венский конгресс в историографии XIX и XX веков. М., 2000, с. 34.

¹⁴ Майский И.М. Испания 1808–1917. М., 1957, с. 110.

¹⁵ Rey M.-P. Alexander I-er. Paris, 2009, p. 198.

¹⁶ Ibid., p. 199.

обсуждаться, а затем и претворяться в жизнь. Поддержание европейского равновесия было признано возможным при вмешательстве во внутреннюю жизнь другого государства, и это стало отличительной чертой нового порядка. Недаром позже австрийский канцлер писал: “Так называемая система Меттерниха была не системой, а миропорядком”, основной идеей которого было единство консервативных сил, поддержание прав законных монархов¹⁷. В проведении своей политики он опирался на поддержку лондонского кабинета, когда речь шла о противоборстве с Россией, но не упускал из вида возможность прибегнуть к помощи России. По справедливой оценке Г. Киссинджера, он рассчитывал на британскую поддержку “в деле сохранения территориального равновесия” и на русскую – “для умирения внутренних неурядиц”¹⁸. Со временем Австрия тем больше нуждалась в русской помощи, чем больше Англия пыталась отойти от системы “европейского правительства” и занять особую позицию надзирателя над европейским порядком.

Несмотря на продолжительность существования Венской системы, вся ее конструкция отличалась неустойчивостью, из-за нерешенности международных проблем, не рассматривавшихся на Венском конгрессе: это были война за независимость в Испанской Америке и Восточный вопрос. Разница в подходе к решению этих внешнеполитических проблем играла деструктивную роль в “европейском концерте” держав, поэтому они не рассматривались “европейским правительством”. Эти вопросы чувствительно затрагивали интересы Англии, Испании и России, которые не были готовы к их совместному решению. При этом Великобритания была заинтересована рассматривать важные для нее южноамериканские сюжеты, а Россия – решить проблему Черноморских проливов. Заинтересованность всех сторон – участников системы в ее сохранении служила гарантией поддержания такого баланса, который, не обладая постоянством сил, его составляющих, тем не менее способствовал бы устойчивости всей системы в целом. Таким образом, сложившаяся система обеспечивала поддержание мира и являлась средством, сохранявшим социальную стабильность внутри держав. Меттерних, один из основателей системы, оставался главным врагом революции и сторонником политики интервенций, направленных против попыток ниспровергнуть порядок, установленный в 1815 г.¹⁹

Что нового привнесло создание Венской системы в политическую жизнь России, насколько ее конструкция отвечала национальным интересам страны в укреплении ее политико-стратегического положения в Европе?

Александр I приложил немалые усилия для создания и сохранения новой системы международных отношений, являвшихся неким прообразом современной европейской интеграции. Данная конструкция – Венская система международных отношений, включившая в себя идеологическое содержание, привнесенное условиями Священного союза, – была выгодна России, Австрии и Пруссии. И Александр I, и К.В. Нессельроде полагали, что система совместных решений и их гарантий, также как и следование общему курсу международных отношений, выгодна для России и соответствует ее политическим интересам на международной арене. Революции 1820-х годов в Испании, Италии и Португалии напрямую не затронули интересы России и были подавлены силами Франции и Австрии. В то же время национально-освободительное движение в Греции привлекло самое пристальное внимание российских властей и вызвало первые несогласия между державами-союзниками.

Русско-балканские связи формировались под влиянием идеи славянской общности и конфессионального единства, которые лишь подкрепляли геополитическую заинтересованность России в присутствии на Балканах и в регионе Черноморских проливов. Восточный вопрос, представлявший собой клубок нерешенных политико-экономических проблем, затрагивал интересы многих западноевропейских государств, но имел

¹⁷ Цит. по: *Медяков А.С.* Указ. соч., с. 192.

¹⁸ *Киссинджер Г.* Указ. соч., с. 75.

¹⁹ *Додолев А.М.* Указ. соч., с. 180–181.

первостепенную важность для России как для причерноморской державы. Поэтому, когда в 1821 г. в Греции началось восстание, российский император, хотя и был вынужден официально осудить нелегитимный образ действия восставших, неоднократно обращался к турецкому правительству с требованием о прекращении карательных мер против греков. Уже из Лайбаха Александр I инструктировал российского посланника в Константинополе Г.А. Строганова: “Пусть... жертвы происходящих событий находят у Вас поддержку... когда такое бедствие обрушивается на народ, с которым нас связывают священные узы единой веры”²⁰. Ноты протеста, переданные Порте, остались без ответа, после чего российский посланник покинул турецкую столицу, продемонстрировав решимость отстаивать позицию России в греческом вопросе. Это проявление политической воли не имело продолжения: в дальнейшем российское правительство увязло в согласованиях общей позиции со своими внешнеполитическими партнерами, вырабатывая меры воздействия на Порту.

В Лондоне были серьезно обеспокоены как положением Порты в результате восстания, так и особым мнением России по этому вопросу. Каслри пугал Александра I возможностью расширения революций в Европе в том случае, если русский император попытается вмешаться во внутренние дела Османской империи²¹. Александр I был вынужден следовать курсу Священного союза. “Я первый должен показать верность принципам, на которых я основал союз”, – заявил император в 1822 г.²² Россия, подчиняясь обязательствам коллективного урегулирования греко-турецкого конфликта, не осмелилась действовать самостоятельно с учетом собственных интересов. А Великобритания, не связанная узами Священного союза, была вольна выстраивать свою политику в Турции, не оглядываясь на мнение других держав. Признавая за собой свободу действий в Греции, британские политики отвергали сам принцип коллективной безопасности. “Блестящая изоляция” позволяла Великобритании вмешиваться в европейские конфликты, затрагивавшие ее собственные интересы, и избегать тех, в которых она не видела опасности для себя. Англия вступала во временные союзы с другими странами, пользуясь принципом: “Англия в одиночестве не способна добиться стоящих перед нею задач на континенте; она должна иметь союзников в качестве рабочих инструментов”²³. Исходя из этого, британцы в 1823 г. признали греков воюющей стороной, т.е. легитимизировали их борьбу против турок.

Неудачей закончилась попытка разрешения Восточного вопроса в 1825 г. на Петербургской конференции между Россией, Австрией, Францией и Пруссией. Англия в конференции не участвовала, а Франция и Австрия отказались поддержать план России по греко-турецкому перемирию²⁴. Еще в 1824 г. российский МИД представил на рассмотрение европейских правительств “Мемуар об умиротворении Греции”, в котором предполагалось создание на ее территории независимых княжеств, подобных Дунайским. Это позволило бы восстановить греческую независимость при прямом участии России, занявшей бы в этом случае лидирующее положение в разрешении Восточного кризиса²⁵. В результате оказанного сопротивления со стороны лондонского руководства Россия в очередной раз была вынуждена отступить, подчиняя свои интересы “коллективным” решениям и иллюзорному “единству Европы”, оказавшись в плену своих же политических построений. Таким образом, та внешнеполитическая ситуация, в разрешении которой Россия была заинтересована самым непосредственным образом, не имела перспективы разрешиться с учетом геополитических приоритетов русской стороны.

²⁰ Внешняя политика Российской империи XIX и начала XX века, сер. 2, т.4(12). М., 1980, док. 202.

²¹ Орлик О.В. Россия в международных отношениях. 1815–1829. М., 1998, с. 88.

²² Цит. по: Соловьев С.М. Сочинения, кн. XVII. М., 1996, с. 686.

²³ Цит. по Киссинджер Г. Указ. соч., с. 84.

²⁴ Международные отношения на Балканах. 1815–1830 гг. М., 1983, с. 172.

²⁵ Там же, с. 170.

Серьезные испытания ждали участников Венской системы в начале 1830-х годов. Границы перекроенной Европы, установленные на Венском конгрессе, отвечали интересам прежде всего легитимных монархий, а не народов, их населявших. Принцип национальностей вышел на первый план в решении проблемы дальнейшего существования всего европейского порядка. 26 июля 1830 г. вспыхнуло восстание в Париже. Король Карл X был свергнут, власть перешла к Луи-Филиппу Орлеанскому. Французская революция всколыхнула всю Европу. В том же году начались брожения в некоторых государствах Германского союза, в 1831 г. – восстания в Парме, Модене и Романье. Выступления в итальянских герцогствах были подавлены австрийцами, проявившими особую заинтересованность к судьбам государств Аппенинского полуострова. Вслед за этим разразилась революция в Бельгии. Если переворот во Франции касался лишь вопроса легитимности власти “конституционного” короля, являвшегося главой младшей ветви династии Бурбонов, то перемены в Бельгии серьезно нарушали установленный в 1815 г. порядок. Повстанцы свергли нидерландского короля и выступили за независимость Бельгии. “Восточные монархии” были готовы оказать военную помощь для подавления бельгийской революции, в то время как Англия и Франция не поддержали интервенции; более того, Луи-Филипп открыто встал на сторону бельгийцев.

Нидерландское королевство было искусственно созданной конструкцией, утвержденной актом Венского конгресса. Инициатором объединения Бельгии с Голландией выступила Великобритания, стремившаяся уравновесить новым государством своего извечного врага – Францию²⁶. Поддерживая отделение Бельгии, Франция рассчитывала усилить свое влияние в этом государстве и пересмотреть северные границы, очерченные трактатами 1815 г. Англия, в свою очередь, намеревалась использовать самостоятельную Бельгию против Франции. Таким образом, каждая из держав разыгрывала свою “карту”: положение в Бельгии надолго стало основной темой обсуждения европейских политиков. В 1830 г. в Лондоне была созвана международная конференция с участием России, Австрии, Пруссии, Великобританией и Франции. Бельгийская проблема оставалась в центре внимания европейской дипломатии более года, по истечении которого новое государство было признано великими державами.

Образование независимого бельгийского государства стало серьезным ударом для всей Венской системы, а по некоторым оценкам в современной историографии – “капитальным крушением системы Священного союза”²⁷. Тем не менее антиреволюционный дух союза сохранялся и в последующих международных договоренностях европейских монархов, заставляя их действовать в соответствии с заявленными обязательствами. Пренебрежение создателей Венской системы правами наций отозвалось ростом национально-освободительных движений, а они, в свою очередь, привели к слову всей конструкции международных отношений. Бельгийская революция стала первой в этом процессе.

В ноябре 1830 г. вспыхнуло восстание в Царстве Польском; это был уже вопрос не далекой Бельгии, а революционный пожар на пороге собственного дома. Повстанцы объявили о низложении Николая I и восстановлении независимой Польши. Австрия, Пруссия и Россия не скрывали своего стремления подавить польское движение, угрожавшее всему легитимному порядку. Напротив, Англия и Франция вновь объединились в поддержке повстанцев. Русские войска, подготовленные еще ранее для подавления революции в Бельгии, были брошены в Польшу. Беспорядки начались в Литве и других областях, где компактно проживало польское население; все это привело к затягиванию военной кампании и позволило занять польскую столицу только в сентябре 1831 г. Если австрийский и прусский дворы полностью поддерживали действия русской армии, то англо-французский альянс предложил свое посредничество в урегулировании конфликта, выступая за сохранение польской конституции, которая, как и французская хартия, якобы была “гарантирована трактатами”²⁸.

²⁶ Намазова А.С. Бельгийская революция 1830 года. М., 1979, с. 5.

²⁷ Там же, с. 158.

²⁸ Михайлов В.Б. Международные отношения и политика России во время европейских революций 30-х годов и нового обострения восточного вопроса. – История внешней политики России, с. 293.

Отношение держав к европейским революционным движениям со всей очевидностью выявили раскол пентархии: “восточные монархии” – Россия, Австрия и Пруссия – поддержали принцип “законности” власти, а конституционалистские Великобритания и Франция, вечные соперницы в вопросах европейского лидерства, быстро находили общий язык, когда речь заходила о противостоянии с Россией. Несмотря на разницу в оценках происходивших в Царстве Польском событий, обе группировки были заинтересованы в поддержании мира и стабильности на континенте, что способствовало нахождению компромиссных решений даже в самых острых ситуациях. 18 и 19 сентября 1833 г. состоялось свидание Николая I и австрийского императора Франца I в Мюнхенгрее, где были подписаны конвенции по восточному и польскому вопросам; позже к ним присоединилась Пруссия. В Мюнхенгрее и Берлине еще раз было закреплено право договаривающихся сторон вмешиваться во внутренние дела других государств и оказывать поддержку друг другу. В конвенции, заключенной 3(15) октября 1833 г. в Берлине, прямо говорилось, что она призвана “укрепить консервативную систему, составляющую непреложное основание” политики трех договаривающихся сторон: “Дворы австрийский, прусский и российский признают, что каждый независимый государь имеет право призывать к себе на помощь, во время смут внутренних, а также при внешней для его страны опасности, каждого другого независимого государя, который признан им будет более полезным для оказания ему помощи, и что сей последний имеет право исполнить или отказать в этой помощи сообразно своим интересам и обстоятельствам”²⁹. Три державы еще раз продемонстрировали верность принципам Священного союза и желание поддержать Венскую систему, расшатанную европейскими революциями. Казалось бы, Венская система, расколотая на две соперничавшие группировки, вновь обрела устойчивость, благодаря достаточной уравниловке интересов и сил двух сторон.

“Второе издание” Священного союза, каким можно считать условия заключенных конвенций, было направлено на стабилизацию европейского мира и охранению его от революционных разрушений. Главенствующая роль России в этом новом альянсе никем не оспаривалась³⁰. За каждой из держав закреплялась своя сфера ответственности: Россия присматривала за Балканами, Австрия – за Центральной Германией и Северной Италией, Пруссия охраняла западные границы по Рейну³¹. Продемонстрировать совместные действия всех участников новых соглашений 1833 г. позволили события в Кракове. В 1815 г. Краков, входивший ранее в состав Великого герцогства Варшавского, был объявлен вольным городом под покровительством трех “северных” дворов. В феврале 1846 г. там поднялось восстание против австрийцев, постоянно находившихся на территории Кракова, объявлена независимость Польши и образовано польское правительство. В Декларации, заключенной между Россией, Австрией и Пруссией 3(15) апреля 1846 г., говорилось: “Три державы, учредительницы и покровительницы сего государства... признали необходимым изменить положение этого государства”³². Союзники отправили свои войска на подавление восстания, после чего Краков был присоединен к Австрийской империи.

Принцип статус-кво в Европе был, безусловно, выгоден России. Она не хотела отходить от него даже тогда, когда речь шла о Балканах, что и было продемонстрировано итогами русско-турецкой войны 1828–1829 гг. Нежелание и прямое опасение российского руководства принять решение о занятии Константинополя, пользуясь явной неспособностью турецких войск защитить его, ясно выразило стремление императора Николая I сохранить шаткое равновесие даже в ущерб собственным исторически сложившимся устремлениям. 26 июня (8 июля) 1833 г. между Россией и Османской империей был

²⁹ Международная политика новейшего времени..., ч. 1, с. 151–152.

³⁰ Дегоев В.В. Внешняя политика России и международные системы: 1700–1918 гг. М., 2004, с. 226.

³¹ Там же, с. 217.

³² Международная политика новейшего времени..., ч. 1, с. 157.

заключен Ункяр-Искелесийский договор, предоставивший российскому флоту право свободного прохода через Босфор в случае военных действий третьих стран, угрожавших Турции. Внутренние распри султана Махмуда II с египетским пашой Мухаммедом Али потребовали оказания помощи турецкому владыке, предоставить которую отважился только русский император. В результате заключенного договора политический вес России в Турции и регионе Проливов значительно возрос, что встретило противодействие союзников. Англия и Франция попытались оказать давление на Порту с целью дезавуировать договор, но столкнулись с твердой позицией султанского правительства. Не имевшие конкретных интересов в регионе Австрия и Пруссия не высказали явного недовольства, но испытывали определенный дискомфорт из-за возросшего на Ближнем Востоке престижа своего восточного соседа.

Явный перевес политического преобладания России в регионе Проливов требовал, по мнению ее западных партнеров, скорейшего восстановления утерянного равновесия. Осознавая угрозу политической изоляции, Нессельроде, полагая, что европейское согласие выгоднее кратковременных успехов русской политики, выступил с предложением заменить Ункяр-Искелесийский договор Четверным союзом держав, добровольно отказавшись от полученных ранее преимуществ. Пораженные англичане обещали в угодку русскому императору исключить Францию из будущего соглашения, зная, что Николай I проявит интерес именно к такой политической комбинации. После переворота 1830 г. российское руководство не доверяло правительству Луи-Филиппа, не без основания подозревая его в желании пересмотреть решения Венского конгресса и вернуться к вопросу о границах. Поэтому, когда в 1840 г. в Лондоне удалось заключить конвенцию о статусе Проливов без участия Франции, российское правительство сочло, что она, как наиболее нестабильный элемент венской конструкции, надолго изолирована и обезоружена. Даже после того, как в 1841 г. была подписана вторая Лондонская конвенция – уже с участием французской стороны, – Нессельроде пытался представить ее в качестве коллективного признания успеха 1833 г.: “Договор в Ункяр-Искелеси, против которого тщетно протестовали Франция и Англия, по видимости аннулированный, в действительности был увековечен в иной форме”³³. Реальность развеяла самообман – Россия лишалась своего преимущества в Проливах, в то время как для англо-французского альянса выгоды от заключенного договора были очевидны: Проливы признавались закрытыми как во время мира, так и во время войны. Казалось бы, это условие вполне отвечало интересам России по защите своего черноморского побережья. Однако прав английский исследователь Ч. Вебстер: “Британский флот мог появиться в Черном море лишь в случае союза Порты и Британии против России. Проливы будут закрыты, пока султан находится в состоянии мира, но не тогда, когда он воюет”³⁴.

В современной отечественной историографии имеются существенные различия в оценке Лондонских конвенций: по мнению ряда авторов, они лишь “фиксировали фактически сложившиеся ко времени их заключения положение вещей”³⁵ и “во имя закрытия Дарданелл русской стороне пришлось согласиться на закрытие Босфора”³⁶. Однако, соглашаясь с изолированностью России в данном вопросе, трудно оспорить тот факт, что замена русско-турецкого соглашения 1833 г. коллективными договорами начала 1840-х годов была крайне невыгодна для России как причерноморской державы, более всех заинтересованной в приемлемом для себя режиме Проливов. Все это привело к значительному ослаблению позиции России в Восточном вопросе.

³³ Цит. по: *Виноградов В.Н.* Великобритания и Балканы: от Венского конгресса до Крымской войны. М., 1985, с. 197.

³⁴ Там же, с. 199.

³⁵ *Михайлов В.Б.* Восточный кризис 1839–1841 годов и русско-английское сближение. В преддверии революций 1848–1849 годов. – История внешней политики России, с. 333.

³⁶ *Пономарев В.Н.* Указ. соч., с. 139. Закрытие Проливов для военных судов: от Лондонских конвенций до Берлинского трактата (1840–1878 гг.). – Россия и Черноморские проливы (XVIII–XX столетия). М., 1999, с. 139.

Итак, с 1833 г. Венская система международных отношений переживала свое обновление после соглашений тройственного союза, принятых в Мюнхенгрее и Берлине. Международные отношения второй половины 30-х – 40-х годов XIX в. строились как противоборство англо-французского и русско-австро-прусского альянсов. Великобритания пыталась занять позицию “дирижера” и арбитра всего “европейского концерта”, не выдвигая со своей стороны никаких конкретных территориальных претензий. Глава сент-джеймского кабинета Дж. Пальмерстон так обозначил позицию Англии в 1841 г.: “Любые возможные перемены во внутренней конституции и форме правления иностранных наций должны рассматриваться как вопросы, по поводу которых у Великобритании нет оснований вмешиваться силой оружия... Но попытка одной нации захватить и присвоить себе территорию, принадлежащую другой нации, является совершенно иным случаем, поскольку подобная попытка ведет к нарушению существующего равновесия сил и к перемене соотносимой мощи отдельных государств, она может таить в себе опасность и для других держав; а потому подобной попытке британское правительство целиком и полностью вольно противостоять”³⁷. Некогда стройная система баланса сил оказалась под угрозой разрушения в связи с отсутствием стабильности в одном из ее звеньев. Начало конца системы было связано именно с французской революцией.

Революция 1848 г. и установление республиканского строя во Франции кардинальным образом изменили европейский порядок. К этому времени Франция уже давно вызывала опасения со стороны “восточных монархий”, видевших в ней нестабильный элемент всей европейской конструкции. 4 марта 1848 г. министр иностранных дел Франции А. Ламартин подписал циркуляр, которым отменялись трактаты 1815 г., касавшиеся определений, принятых в отношении Франции. Правительство республики, правда, не покушалось на изменение территориальных границ, установленных венскими актами, но делало заявку на пересмотр их основополагающих постановлений³⁸. В документе, в частности, говорилось: “Договоры 1815 г. не существуют больше как правомерные в глазах Французской республики. Однако территориальные разграничения этих договоров являются фактом, который она допускает как основу и как отправную точку в своих сношениях с другими нациями”³⁹. Это упоминание об “отправной точке”, наряду с тезисом, что “Французская республика для того, чтобы существовать, не нуждается в признании”, свидетельствовали об определенных внешнеполитических амбициях молодой республики. Декларация “свободы, равенства, братства” подразумевала “освобождение Франции от цепей, которые связывали ее принципы и ее достоинство”. Этот циркуляр, разосланный дипломатическим представителям Франции за рубежом, начал разрушать всю Венскую систему, вопрос о дальнейшем ее существовании стал центральным для международных отношений всех последующих лет вплоть до Крымской войны⁴⁰. В результате Россия и Франция оказались на пороге разрыва дипломатических отношений. Российское руководство постаралось довести до сведения французского правительства свое желание “сохранить территориальный порядок в Европе, установленный Парижским и Венским трактатами”⁴¹. Российский посол в Париже Н.Д. Киселев, рискуя карьерой, взял на себя смелость не подчиниться предписанию МИД о разрыве дипломатических отношений с Французской республикой. Однако ситуация сложилась в пользу принятого Киселевым решения, которое было вскоре одобрено Николаем I.

Вслед за Францией революционные волнения охватили Италию, Пруссию, Австрийскую империю и страны Германского союза. Политические движения, оппозиционные правительственным кругам своих стран, выступали против порядка, установленного

³⁷ Цит. по: *Киссинджер Г.* Указ. соч., с. 183.

³⁸ *Дебидур А.* Указ. соч., т. 2, с. 5.

³⁹ *Международная политика новейшего времени...*, ч. 1, с. 157–159.

⁴⁰ *Чиркова Е.А.* Революции 1848–1849 годов и политика России. – *История внешней политики России*, с. 348

⁴¹ *Собрание трактатов и конвенций...*, т. XV. СПб., 1909, с. 222.

венскими соглашениями. Задачи национальных освободительных движений сводились к воссозданию государств тех народов, что были поглощены великими державами в ходе перераспределения европейских территорий. Разобщенные искусственными границами народы выдвигали программу освобождения из-под гнета иностранных держав и объединения под знаменем национальностей. Это касалось итальянцев, немцев, поляков: в марте 1848 г. начались восстания в Вене, Милане, Венеции, Берлине⁴². Знаковым событием стал уход в отставку австрийского правительства Меттерниха. Вся система, апологетом которой он являлся, казалось, должна была исчезнуть с европейской политической арены вслед за своим создателем. По словам Николая I, это было время, когда рушилась “целая система отношений, идей, интересов и общих действий”⁴³. Европейские потрясения угрожали стабильности в самой России: Николай I не без основания опасался, что революционный пожар перекинется в пределы Российской империи. Два его союзника – Австрия и Пруссия – были ослаблены внутренними смутами и нуждались в поддержке России. В сложившейся ситуации только она сохранила способность противостоять внешним угрозам. В манифесте от 14 марта 1848 г., написанном лично российским императором, говорилось, что под угрозой европейских мятежей Россия вынуждена защищать свои границы; к ее западным пределам стали стягиваться войска.

Восстание на границах России – в Познани и Дунайских княжествах – заставили российские власти действовать более активно: в мае были введены войска в Молдавию, в сентябре – в Валахию, где они оставались до 1851 г. Получив от австрийского императора Франца-Иосифа тревожные сведения о восстании в Венгрии и появлении там польских формирований во главе с Ф. Бемом, Николай I поначалу не стал спешить к нему на выручку. Только после того, как император усмотрел “в Беме и прочих мятежниках в Венгрии не одних врагов Австрии, но врагов всемирного порядка и спокойствия”, было принято решения о начале венгерского похода русской армии⁴⁴. В результате русские войска сыграли решающую роль в подавлении венгерской революции; немаловажным фактором успеха контрреволюционных сил стало благожелательное отношение к выступлению России со стороны Англии, Франции и Пруссии. Кроме того, победе восставших помешали внутренние разногласия, поскольку венгры, в свою очередь, не хотели принимать во внимание национальные интересы славян, составлявших более половины населения самой Венгрии.

Своим участием в подавлении венгерской революции Россия еще раз подтвердила верность принципам Священного союза, снискав благодарность союзников и благосклонный нейтралитет англо-французского альянса. Вся “система Меттерниха”, уже после того, как австрийский политик бежал сначала в Голландию, а затем в Англию, претерпев потрясения и оказавшись на грани полного краха, все же смогла устоять и продолжить свое существование. Насколько “жандармской” была та роль России, которую она сыграла в революционных 1848–1849 гг.? Насколько уникальным было вмешательство русских войск во внутренние дела другой державы? Охранительные функции “восточных монархий” вытекали из союзных отношений европейских дворов, провозгласивших главным принципом своего сотрудничества поддержание консервативных устоев государств Европы. Верность этим принципам они демонстрировали на протяжении всех лет со дня подписания договоренностей 1815 г. При этом русское вмешательство “вооруженной рукой” осуществлялось лишь в тех случаях, когда революции угрожали непосредственно России, как это было в случае с Польшей и Дунайскими княжествами. Венгерская революция была воспринята как близкая угроза стабильности самой России, тем более что на стороне венгров выступали эмигранты-поляки. Таковую же “жандармскую” роль выполняла Австрия, когда дело шло о подавлении революции в итальянских княжествах, и Пруссия в вопросе о присоединении Шлезвиг-Гольштейна, т.е. подобные “жандармские” функции в равной мере присущи всем умиротворяющим

⁴² Ревякин А.В. История международных отношений в новое время. М., 2004, с. 123.

⁴³ Чиркова Е.А. Указ. соч., с. 350.

⁴⁴ Цит. по: История внешней политики России, с. 357.

революции державам, что, впрочем, напрямую вытекало из характера заключенных соглашений.

Позиция Великобритании заслуживает отдельного внимания. С одной стороны – чего стоит знаменитая фраза Пальмерстона, сказанная российскому послу в Лондоне Ф.И. Бруннову, сообщившему об австрийском походе русской армии: “Так кончайте скорее”⁴⁵. За пренебрежительно-брезгливой интонацией английского премьер-министра трудно рассмотреть причастность его кабинета к военным действиям России в Австрии. А с другой стороны, русская “военная прогулка” осуществлялась на деньги, предоставленные российскому правительству английским банком братьев Беринг⁴⁶. Англия не могла позволить Австрийской империи пасть под ударами революции: она, по мнению британских политиков, являлась необходимым звеном в поддержании равновесия сил, составлявшего неперемutable условие стабильности международных отношений. “Австрия, – говорил Пальмерстон, – является важнейшим элементом баланса сил в Европе, Австрия расположена в центре Европы и является барьером против посягательств, с одной стороны, и захвата – с другой”⁴⁷. Таким образом, русская интервенция в Австрию осуществлялась по просьбе австрийского императора, с одобрения Англии и на ее деньги. Согласие и коллективная воля союзных держав не должны подвергаться в данном случае никакому сомнению. “Весна народов” 1848 г. и последующие за ней события стали не только серьезным испытанием на прочность всей Венской системы, но и преддверием ее скорого краха.

“Дни принципов миновали” – эта фраза министра иностранных дел Австрии князя Шварценберга, сказанная австрийскому послу в Париже барону Хюбнеру в конце 1851 г. по поводу признания Наполеона III императором, как нельзя нагляднее подводит итог той политике, которую проводили державы в рамках Венской системы⁴⁸. Целью Наполеона III, этого нелегитимного, по мнению европейских монархов, императора было разрушение старой системы международных отношений, державшей Францию в тисках венских соглашений. Французский император, в молодости итальянский карбонарий, поддерживал принцип национального построения государств и мечтал сломать территориальные барьеры, мешавшие расширению Франции. Авантюристический характер Наполеона III отмечал Хюбнер в послании австрийскому императору: “Он не дрогнет ни перед какими мерами, ни перед какой комбинацией, только бы это сделало его популярным у себя в стране”⁴⁹. Эта склонность к авантюризму и непродуманность решений стоили Европе мира, а Венской системе – ее существования.

Самозванство Луи-Наполеона, провозгласившего себя императором 1 декабря 1852 г., раздражало легитимных монархов. Дворы России, Австрии и Пруссии не признали законность вхождения нового императора в европейскую монархическую семью, а прусский король Фридрих-Вильгельм IV даже предложил возобновить Четверной союз 1814 г., чтобы сдерживать Францию в границах венских постановлений⁵⁰. Позже он пытался организовать коалицию с Англией, Нидерландами и Бельгией. Получив заверения Франции в том, что Бельгии не угрожает опасность со стороны Второй империи, Великобритания сочла возможным блокироваться с Францией против казавшейся ей опасной тенденции укрепления России в Османской империи. То, что российский император поддержал борьбу черногорцев против Порты и признал князя Данилу легитимным правителем Черногории, казалось англо-французским союзникам поползновением российского двора на само существование Османской империи. Позже, по признанию одного из французских политиков, повод к началу недружественных действий по

⁴⁵ Сборник трактатов и конвенций..., т. XII. СПб., 1898, с. 254.

⁴⁶ *Виноградов В.Н.* Великобритания и Балканы, с. 216.

⁴⁷ Там же.

⁴⁸ Цит. по: *Киссинджер Г.* Указ. соч., с. 92.

⁴⁹ Там же, с. 93.

⁵⁰ *Дебидур А.* Указ. соч., т. 2, с. 76.

отношению к России был маловажен для императора французов, ибо “Наполеону нужна была война”⁵¹.

Обострение восточного кризиса, связанного со спором католической и православной церквей по вопросам права на покровительство Святым местам в Палестине, также было использовано Францией для разжигания антирусской кампании. Поскольку легитимизация императорской власти Луи-Наполеона оставалась открытым вопросом для Европы, он решил снискать симпатии католической церкви путем укрепления ее положения на Святой земле. Накануне Крымской войны во Франции большое распространение получили сочинения священника Боре, обвинявшего палестинское православное духовенство в захвате некоторых святынь, принадлежавших католикам. В русском обществе широкое хождение имели памфлеты, направленные на разоблачение положений, выдвинутых Боре. Борьба в печати, разгоравшаяся в обществе двух стран, стала прелюдией военного конфликта.

Для укрепления своей императорской власти Луи-Наполеон нуждался в военных лаврах. Маленькая победоносная война ослабила бы влияние России на Балканах и в Палестине и укрепила позицию англо-французского блока в этом регионе. Тенденция к созданию такого альянса была очевидной, несмотря на то, что сент-джеймский кабинет демонстрировал стремление к миру. Глава внешнеполитического ведомства Англии лорд Дж. Абердин был хорошо знаком Николаю I еще со времени его поездки в Лондон в 1844 г. Тогда он произвел на русского императора самое отрадное впечатление: Николаю I показалось, что сближение России с Англией стало очевидностью и можно заранее оговорить условия раздела турецкого наследства после падения Османской империи – этого, по общему мнению, “больного человека”. По словам английского посла в Петербурге Г. Сеймура, русский император хотел бы привлечь британский кабинет “в союз с его собственным и венским в схему конечного раздела Турции при исключении Франции из договоренности”⁵². Тем не менее после беседы Николая I с Сеймуром, в ходе которой русский император вновь поднял вопрос о разделе Турции, министр иностранных дел Великобритании лорд Дж. Кларендон пошел на заключение секретного вербального соглашения с французским послом в Лондоне графом А. Валевским. По условиям соглашения обе державы должны были занять единую позицию по Восточному вопросу и не предпринимать никаких действий без предварительных консультаций⁵³. Одновременно министр иностранных дел Франции Друэн де Люис откровенно высказался следующим образом: “Весь этот Восточный вопрос, возбуждающий столько шума, послужил императорскому правительству (Франции. – *Е.К.*) лишь средством расстроить континентальный союз, который в течение почти полувека парализовал Францию”⁵⁴.

Еще со времени подписания Лондонских конвенций 1840–1841 гг. русский двор был одержим желанием изолировать Францию, не допустить ее участия в важнейших международных договоренностях. Делая ставку на русско-английское сближение, российское правительство не приняло во внимание непостоянство союзнических отношений Великобритании, использовавшей те или иные комбинации в своих целях. В сложившейся ситуации англичане пытались играть на русско-французских противоречиях, привлекая к себе обе стороны. В частности, Сеймуру было достаточно лишь выслушать Николая I, чтобы внушить ему необоснованные надежды на возможную благожелательную поддержку Англии. Нессельроде писал в Лондон Бруннову 2(14) января 1853 г.: “Новому императору французов любой ценой нужны осложнения, и нет для него лучшего театра, чем на Востоке”⁵⁵. Общее положение, по мнению Нессельроде, осложнялось тем, что “в Константинополе недоверие и подозрительность в отношении нас настолько укре-

⁵¹ Там же, с. 78.

⁵² Цит. по *Виноградов В.Н.* Великобритания и Балканы, с. 242.

⁵³ *Тарле Е.В.* Восточная война, т. 1. М., 2005, с. 161.

⁵⁴ Там же, с. 144.

⁵⁵ *Зайончковский А.М.* Восточная война 1853–1856 гг. в связи с современной ей политической обстановкой, т.1. СПб., 1908, с. 365.

нились, что сколько бы мы ни заверяли в отсутствии желания сокрушить Турцию, нам не поверят”⁵⁶. Рассуждения российского канцлера кажутся несхожими с намерениями Николая I, затеявшего переговоры сначала в Лондоне с Абердином в 1844 г., а затем в Петербурге с Сеймуром в январе-феврале 1853 г. Из речей императора следовало, что царь вынашивает определенные планы относительно разрушения Османской империи; это и привело к созданию консолидированной позиции Запада по отношению к России. Оценивая возможную роль Австрии и Пруссии в будущем конфликте на Востоке, Нессельроде тешил себя надеждой на нейтралитет первой и моральную поддержку второй: после венгерского похода русской армии престиж России среди “северных” дворов, по его мнению, был непререкаем.

В историографии – как отечественной, так и западной – укрепилось мнение об ответственности России за военный поворот событий начала 1850-х годов. Е.В. Тарле писал: “Инициативная роль Николая I ...не подлежит сомнению, также как не подлежит оспариванию несправедливый, захватнический характер войны против Турции”⁵⁷. Безусловно, Крымская война была порождена целым комплексом сложных причин и явилась результатом обострения политических, идеологических и экономических противоречий на Ближнем Востоке и Балканах между Англией, Францией, Турцией и Россией. Эта русско-турецкая война выросла из очередного Восточного кризиса, также как предыдущая из кризиса 1820-х годов. Однако вправе ли мы рассматривать религиозный спор между католиками и православными лишь как второстепенный фактор международных разногласий, навсегда навесив на него ярлык “повода” к войне?

Россия являлась покровительствующей державой для всех православных христиан Османской империи, проживающих как на Балканах, так и на Ближнем Востоке. Право это было оформлено статьями Кучук-Кайнарджийского мира 1774 г. и на протяжении первой половины XIX в. Турцией не оспаривалось. 14 млн православных христиан Османской империи традиционно считали Россию своей покровительницей и обращались к ней за заступничеством перед Портой. Это же касалось клира Константинопольского, Иерусалимского, Антиохийского и Александрийского патриархатов, им поставлялись из России церковная утварь, облачения, книги; осуществлялась денежная помощь в пользу православных церквей и монастырей. Одновременно следует сказать о той особой роли, которую играла Святая земля для христианской церкви как восточной, так и западной. Именно в Иерусалим поступали самые богатые и многочисленные дары из России от частных лиц и от Святейшего Синода.

Тем не менее в историографии укрепилось мнение, что религиозный спор являлся лишь ширмой захватнических планов России на Балканах. Причем зарубежная историография толковала эти события, исходя из традиционно обличительной характеристики внешней политики России, а советская была проникнута антирелигиозными настроениями в духе времени. Обе эти тенденции не позволили всесторонне рассмотреть данную проблему. Так, к примеру, для Тарле совершенно очевидна “полная вздорность и искусственность этих споров”, которые он называет «дипломатической возней вокруг “Святых мест”». Более взвешенной представляется позиция А.М. Зайончковского: “Вопрос о Святых местах был лишь прологом к великой исторической драме”⁵⁸.

В последнее время начинают появляться и другие оценки. За вопросами “Евангельской археологии” по-прежнему читаются прежде всего международно-правовые разногласия великих держав. Но сам религиозно-церковный спор выделяется в отдельный, очень важный аспект международных отношений на Ближнем Востоке. Отметим работы В.Н. Виноградова и М.И. Якушева. Последний опубликовал донесения российского консула в Бейруте К.М. Базили, бывшего непосредственным свидетелем разгоравшегося конфликта⁵⁹. О важности проблемы свидетельствует обилие дипломатических

⁵⁶ Там же.

⁵⁷ Тарле Е.В. Указ. соч., т. 1, с. 5.

⁵⁸ Зайончковский А.М. Указ. соч., т. 1, с. 385.

⁵⁹ Якушев М.И. Конфликт из-за Святых мест Палестины как казус белли Крымской (Восточной) войны. – Неизвестные страницы отечественного востоковедения, вып. II. М., 2004.

документов, которыми обменивались российский МИД и посольство в Константинополе, снабжая копиями все российские представительства в европейских столицах. Любая дипломатическая переписка с конца 1840-х годов и вплоть до начала войны начиналась с обсуждения религиозных разногласий в Палестине, которые, по словам К.В. Нессельроде, “становились казусом белли между альянсом и Россией”.

К 40-м годам XIX в. не только Балканы, но и Ближний Восток стал ареной международной борьбы европейских держав. Позиции России в экономической сфере, к этому времени являвшейся решающим фактором для политического преобладания, были крайне слабы. При сложившемся положении дел акцент в русско-палестинских связях сместился в область духовной жизни. В 1830-е годы православное население Палестины составляло треть всех ее христиан. В Иерусалиме действовали 18 православных монастырей, проживало 600 православных жителей. Роль русской православной церкви по обеспечению покровительства восточным единоверцам в общем контексте мессианской роли России в качестве “Третьего Рима” оказалась важнейшей составляющей внешнеполитического вектора, проводимого российским МИД в регионе. Поддержка единоверцев являлась инструментом в достижении политических целей российского правительства, правда, инструментом очень хрупким.

40-е годы XIX в. стали решающими для становления русско-палестинских церковных связей. В 1839–1840 гг. вновь обострилось турецко-египетское противостояние, центральное место в котором заняла проблема сирийской территории. Европейские державы активно включились в разрешение конфликта, приложив при этом особые усилия для того, чтобы не допустить вмешательства в него России. Географическое положение Сирии, связывающей Средиземноморье со Средним Востоком и далее – с Арменией и Закавказьем, предопределяло возросший интерес западных стран к азиатским владениям Турции. Увеличилось количество европейских консулов, активизировалась деятельность католической и протестантской церквей на Ближнем Востоке. Успехи католической пропаганды и протестантского миссионерства в Палестине были намного внушительнее, чем русская помощь православным святыням. В 1841 г. в Иерусалиме было учреждено англиканско-евангелическое епископство, а в 1847 г. сюда переехал из Рима католический патриарх Иосиф Валерга, направленный в Иерусалим папой Пием IX. Тогда же прусское правительство попыталось поставить вопрос о передаче власти над Святыми местами в ведение пяти европейских держав с назначением в Палестину трех резидентов из католиков, греков и протестантов. Россия категорически отвергла это предложение, предпочитая как в дипломатии, так и в вопросах духовной жизни вести диалог с османскими властями без вмешательства третьей стороны.

В 1843 г. был сделан беспрецедентный шаг со стороны российского МИД – в Палестину направлялся архимандрит Порфирий (Успенский) с заданием внешнеполитического ведомства по установлению связей с Иерусалимской патриархией. Он ехал в Иерусалим как простой паломник, поэтому инструкции получил не от Святейшего Синода, а от Министерства иностранных дел. Отметим, что К.В. Нессельроде выражал надежду на то, что меры, принятые для поддержания палестинской церкви, будут способствовать “прекращению духовных распрей за Святые места”⁶⁰. В ходе этой поездки архимандрит Порфирий пришел к выводу, что Россия должна учредить на Святой земле свою духовную миссию под начальством епископа, ничем не уступающую по влиянию и денежной помощи единоверцам представительствам западных держав. Это мнение нашло поддержку в Петербурге, и уже в 1848 г. в Иерусалим были посланы несколько человек под начальством архимандрита Порфирия, их поездка также носила секретный характер. Миссия находилась в двойном подчинении МИД и Святейшего Синода.

Учреждение миссии имело важное значение для поднятия престижа России и православия на Востоке, а также для политического укрепления страны в ближневосточном регионе. Не секрет, что политическое проникновение в Палестину могло происхо-

⁶⁰ Архив внешней политики Российской империи (далее – АВПРИ), ф. Посольство в Константинополе, оп. 517/1, д. 3605, л. 13.

дить только в форме духовного присутствия той или иной христианской конфессии на Святой земле. Даже консульства западных держав занимались в основном духовными вопросами, что, впрочем, не мешало им вмешиваться во внутреннюю жизнь Сирии и Палестины. На этом фоне слабости позиций православия на Ближнем Востоке стал разрастаться конфликт вокруг Святых мест. После того, как османское правительство сделало ряд уступок католикам в оказании покровительства христианским святыням, в спор вмешался Николай I. Права Иерусалимской церкви, считала русская сторона, неоспоримо древнее латинских притязаний. Если католики отстаивали свое преимущество, упоминая о крестовых походах и завоевании Иерусалима 1099 г., то права православия восходили ко временам Восточной Римской империи. Николай I направил письмо султану Абдул Меджиду, в котором просил защитить султанских “райя” и сохранить статус-кво христианских святынь. В феврале 1852 г., казалось бы, цель была достигнута: султан издал ферман, закреплявший преимущество Иерусалимской церкви, и передававший грекам право на починку ротонды над Кувуклией в храме Гроба Господня. Но одновременно Порты передавала ключи от Вифлеемского собора католикам, что фактически означало владение храмом.

Ферман, изданный в феврале, был оглашен в Иерусалиме только в ноябре, до этого времени Порты делала вид, что никакого документа вообще не существует. Сама процедура оглашения происходила с грубейшими нарушениями, на нее не был приглашен латинский патриарх, что означало неприятие фермана католической стороной. Все эти действия были расценены российским императором как оскорбительные и противоправные. Таково же было мнение всех четырех восточно-православных патриархов. Вселенский патриарх Герман направил Николаю I письмо с мольбой о заступничестве и защите попираемых католиками прав Иерусалимской церкви. При этом форма обращения к российскому монарху соответствовала традиционному патриаршему обращению к Византийским императорам⁶¹. Покровитель православного мира не мог остаться безучастным.

Нерешенность церковных вопросов вела к обострению международных отношений на Ближнем Востоке. Сразу после издания фермана французский посол в Константинополе прибыл в турецкую столицу на военном корабле, нарушив при этом Лондонскую конвенцию 1841 г. о закрытии Проливов для военных судов. Вслед за тем Россия понизила уровень своего дипломатического представительства в Турции – вместо посланника В.П. Титова там остался поверенный в делах А.П. Озеров. Чрезвычайная миссия А.С. Меншикова в Константинополь сыграла роковую роль в обострении русско-турецких отношений. По инструкции МИД Меншиков должен был потребовать у Порты восстановления прав греческого духовенства в Палестине и издания Портой специального сенеда в пользу православного населения Османской империи. Позже Нессельроде обвинял Решид-пашу в том, что тот посоветовал ему требовать от Порты “договор или конвенцию с целью возобновления и дополнения статьи договора в Кайнарджи относительно покровительства и иммунитета, которыми должны пользоваться православная религия и ее служители в Османской империи”⁶². В этих требованиях не было ничего нового или невыполнимого по сравнению с ранее заключенными договоренностями между Россией и Турцией. Согласно седьмой статье Кучук-Кайнарджийского договора 1774 г. “Блистательная Порты обещает твердую защиту христианскому закону и церквям оного и позволяет министрам Российского императорского двора делать по обстоятельствам... разные представления и обещать принимать оные в уважение”⁶³. На это положение ссылались все дипломатические представители России при османском дворе, когда речь заходила о правах православных подданных Порты. Подтверждение этих же привилегий в новом договоре с Турцией, чего добивалась русская сторона, не предоставляло России никаких новых рычагов влияния на турецкое правительство или

⁶¹ Якушев М.И. Указ. соч., с. 466.

⁶² Цит. по: Зайончковский А.М. Указ. соч., т. 1, с. 351.

⁶³ Там же, с. 217.

православных единоверцев, но лишь подчеркивало их важность и значительность для покровительствующей державы пользоваться ими в будущем. В проекте нового русско-турецкого договора говорилось: “Блистательная Порта обязуется перед Российским императорским двором сохранять и уважать права греческой православной церкви в Святых местах Иерусалима”, “Министры императорского российского двора... как и в прошлом, будут в праве делать представления в пользу церквей Константинополя и других мест, а также в пользу клира, и эти представления будут приниматься”⁶⁴. Правда, в отчете МИД за 1853 г. упоминалось, что российские власти возлагали особые надежды на сенед Порты, который должен был способствовать более действенному покровительству, “нежели нам позволял Кучук-Кайнарджийский договор”⁶⁵.

Известно, что английский посол при османском дворе Стрэтфорд Каннинг намеренно искажал смысл русских требований, неправильно переведя текст предполагаемого договора, после чего сент-джеймский кабинет счел его неприемлемым. Фразу о желании российской стороны “делать представления в пользу единоверцев” Стрэтфорд в своем переводе на английский язык для британского правительства превратил в требование “давать приказы” Порте, что не соответствовало действительности и не могло не вызвать возражений с английской стороны. Провокационный умысел британского представителя, рассчитывавшего именно на такую реакцию своего правительства, совершенно очевиден. Роль английской дипломатии в развитии русско-французского и русско-турецкого конфликтов сводилась отнюдь не к миротворческой функции. Умелый и искусственный дипломат, давний недоброжелатель России, когда-то получивший отказ Петербурга на свою аккредитацию в качестве посла Великобритании, Стрэтфорд, по общему мнению, являлся реальным дирижером русско-турецкой дискуссии. Он диктовал Порте документы, из которых следовало, что турки не хотят принимать какие-либо русские предложения, и был непреклонен даже к просьбам турецких министров, готовых сгладить противоречия с российской стороной и пойти на соглашение с Меншиковым. В российском МИД посчитали, что “Порта потеряла всякую независимость” и де-факто российская дипломатия ведет переговоры не с Турцией, а с Великобританией. О крайне агрессивной позиции лорда Стрэтфорда свидетельствует и тот факт, что королева Виктория, сомневаясь в обоснованности начала военных действий, писала Абердину о своем посланнике в Турции: “Как видно из его частных писем, он хочет войны и старается втянуть нас в нее”⁶⁶. Нет сомнения и в том, что позиция Стрэтфорда имела поддержку агрессивно настроенных высших кругов английского общества. Герцог Кембриджский откровенно писал королеве о судьбе Османской империи: “Больной человек действительно очень болен и близок к концу, и чем скорее дипломаты решат его участь, тем лучше... Немыслимо, чтобы турки оставались долее в Европе”⁶⁷. Именно Стрэтфорд собрал у себя представителей Франции, Австрии и Пруссии для их ознакомления с позицией Порты по поводу русских требований и выработки совместной программы действий великих держав. По-существу, это и было началом складывания антирусской коалиции⁶⁸. К этому времени английский представитель уже был уполномочен по своему усмотрению вызывать к берегам Турции британский флот. 13 июня 1853 г. английская эскадра прибыла к Дарданеллам; вскоре к ней присоединились французские корабли. Вслед за этим 22 июля российские войска вошли в Дунайские княжества.

В начале 1854 г. министр иностранных дел Австрии К.-Ф. Буоль писал австрийскому послу в Петербурге барону Л.И. Лебцельтерну: “Последствия продолжительной русско-турецкой войны столь проблематичны, что Австрия, непосредственно заинтересованная в Восточном вопросе, не может дать обязательства сохранять безусловный нейтралитет. Австрия не может поступить иначе, как оставляя за собой полную свободу

⁶⁴ Цит. по: *Виноградов В.Н.* Головокружение без успехов. – Родина, 1995, № 3–4, с. 37.

⁶⁵ АВПРИ, ф. Отчеты МИД, 1853, л. 44.

⁶⁶ К истории Крымской войны. – Русская старина, 1908, т. 133, с. 590.

⁶⁷ Там же, с. 599.

⁶⁸ *Виноградов В.Н.* Великобритания и Балканы, с. 259.

решений”⁶⁹. Расчеты российского правительства на дружеский нейтралитет австрийского союзника не оправдались. Более того, летом 1854 г. Пруссия и Австрия подписали договор об оборонительном и наступательном союзе, который потом перерос в союзное соглашение с Англией и Францией, направленное против России. Этот договор был подписан в Вене 2 декабря 1854 г. и подразумевал “оборонительный и наступательный союз” держав на случай начала “неприятных действий” между Россией и Австрией⁷⁰.

Итак, России инкриминировалось стремление приобрести право вмешательства во внутренние дела Османской империи под прикрытием нового договора о “покровительстве” православию. Английский кабинет не без основания опасался роста влияния России, что грозило, даже при минимальном его увеличении, нарушением пресловутого равновесия. “Против вас образуется лига”, – предупреждал Стрэтфорд Озерова весной 1853 г. и сделал все, от него зависящее, чтобы воплотить в жизнь эту гипотетическую угрозу. Именно послы Англии и Франции придали проблеме русско-турецких отношений общеевропейское значение. Подобная европеизация вопроса о покровительстве христианам на деле означала вытеснение России из региона. Разногласия держав на этом этапе развития восточного кризиса не отменяют инициативную провокационную роль Великобритании в его разжигании и исполнительскую – Франции. Австрии и Пруссии в данный момент достаточно было лишь не оказать открытой поддержки своей союзнице, чтобы автоматически оказаться в стане ее противников. Расчеты российского кабинета на поддержку Австрии и Пруссии, как и на быстрый и результативный договор с Портой, не оправдались. В результате самоуверенность, основанная на недалекновидном анализе международной ситуации, привела Россию к полной изоляции.

Еще раз подчеркнем, что войну между Россией и коалицией держав спровоцировали нерешенные противоречия. На России лежал груз ответственности за судьбы миллионов единоверцев на Востоке, она была унижена и оскорблена тем отношением к правам греческой церкви, которое было продемонстрировано как со стороны Запада, так и со стороны османского правительства. Уступить в вопросе о Святых местах означало признать капитуляцию православия перед католицизмом, чего Россия, выступая в качестве носительницы идеи “Третьего Рима”, допустить не могла. Утрата права покровительства одновременно означала потерю политического влияния в регионе и дискредитацию всей ее внешнеполитической доктрины в целом.

Крымская война явилась результатом кризиса всей Венской системы. Революции во Франции, Германии, Польше, Австрии и Италии, вспыхивавшие под знаменем национального освобождения народов, показали всю зыбкость заключенных ранее международных политических альянсов и привели к внешнеполитической перегруппировке ряда европейских государств. Легитимный порядок, когда-то провозглашенный основой существования европейского сообщества, должен был уступить место бурно развивающемуся процессу национально-политического переустройства европейского пространства. Первоначально сплоченный “концерт” держав, трансформировавшийся со временем в противостояние двух блоков, накануне Крымской войны выступил единым фронтом, направленным против общего противника – России. Это было первое военное противостояние великих держав за длительный период, прошедший с окончания наполеоновских войн.

Оценивая роль легитимистско-консервативного порядка, царившего в Европе на протяжении весьма продолжительного времени, следует признать, что он сыграл свою положительную роль в предотвращении военных конфликтов и был направлен на сохранение мира. Данная система международных отношений, даже по оценке английских парламентариев, избавила Европу “от опустошительных войн и дала нам 40 лет мира”⁷¹. В то же время Венская система оказалась малоэффективной в той ситуации,

⁶⁹ Зайончковский А.М. Указ. соч., т. 2, ч. 1. СПб., 1912, с. 508.

⁷⁰ Международная политика новейшего времени..., с. 167.

⁷¹ Цит. по: Виноградов В.Н. Великобритания и Балканы, с. 263.

когда на повестку дня встал вопрос национально-государственного возрождения целого ряда европейских стран. Неравномерность социально-экономического развития держав, рост революционного и национально-освободительного движений, особенность задач внутривнутриполитической жизни каждого из союзных государств привели к расстройству когда-то единого “концерта” и необходимости трансформации всей системы в целом. Что касается России, то следует признать вслед за Нессельроде, давшего оценку своей деятельности на посту главы российского внешнеполитического ведомства в “Записке о политических соотношениях России”, что ей оставалась лишь “обязанность отстаивать, хотя бы с оружием в руках, условия европейских трактатов и частных соглашений” вне зависимости от собственных государственных интересов. “России предстоит усвоить себе систему внешней политики иную против той, которой она доселе руководствовалась”, – писал российский канцлер, уточняя, что на первый план должны быть поставлены “требования русских интересов”⁷².

Парижский мир 1856 г. положил начало новой Крымской системе международных отношений. С самого начала было ясно, что она не сможет сохраниться на долгое время, поскольку краеугольным камнем ее построения стала изоляция России. Выстраивая Венскую систему после 1815 г., страны-победительницы понимали ошибочность исключения Франции из “концерта” держав: уже с 1818 г. она стала его полноправным участником. Чрезмерная степень “наказания” могла бы способствовать развитию реваншистских настроений в обществе исключенной из “концерта” державы, чего нельзя было допустить, имея в виду приоритет сохранения мира в Европе. Опасность изоляции России после завершения Крымской войны также была вполне понятна для Наполеона III, который уже в ходе мирных переговоров пытался наладить контакты с российским правительством. Без полноценного участия России в международной жизни невозможно было установить прочный мир в Европе; парижские соглашения, по оценкам современных отечественных историков, “лишь подрывали его основы и разбалансировали эффективный механизм его сохранения”⁷³, а Парижский мир “сыграл дестабилизирующую роль в развитии международных отношений”⁷⁴ и в самом зачатке нес семена будущих разногласий.

Для Франции, поддержавшей принцип национальностей, будущее европейское устройство грозило умалением ее роли в Европе, чему способствовало возрождение Италии и Германии. Франция, приложившая немало усилий для разрушения Венской системы и сыгравшая одну из главных ролей в развязывании Крымской войны, опиралась на поддержку Англии и Австрии, которые, в свою очередь, наряду с Россией являлись столпами европейского статус-кво. Однако решающее поражение в результате перегруппировки сил испытала Австрия: она понесла территориальные потери и моральный ущерб в связи с возвышением Пруссии и Италии⁷⁵. Разрушение Венской системы уничтожило базовую доктрину легитимизма и нарушило принцип равновесия сил, которое должно было незамедлительно начать свое движение к восстановлению.

⁷² Записка о политических соотношениях России. – Русский архив, 1872, № 2, с. 341.

⁷³ Дегоев В.В. Указ. соч., с. 299.

⁷⁴ Ревякин А.В. Указ. соч., с. 138.

⁷⁵ Дебидур А. Указ. соч., т. 2, с. 137.